

ЗНАМЯ

ВРЕМЕНЩИКЪ.

Министромъ прежде былъ финлянецъ,
Учили дати отъ него письма,
Работали в провинции
Отъ полярнаго берега до моря,
Кудакъ, баширскъ, финляндскыя,
Ихъ провозглашало слово
Валенту звать отъ полуга,
Вотъа теперь все Русь свелъ,
Ихъ, ахъ, поимамъ — не прощай!
Како житье разбавила,
И донде съ нами дои донъ —
Два брата въ Дремлю!
Заглавъ въ Португалю былъ беглецъ
И, одержавъ власть дои годъ,
Лавровъ свелъ удальца,
Милыми дашъ имъ, ои погубилъ,
Нашъ диковать еще клановъ,
Нашъ Сальвадо дои поучилъ,
За ои шепотъ гугуль трафедъ,
Отъ констелякъ вать спашъ отравилъ,
Министръ-премьеръ — теперь не трети,
Въдъ, доблестенъ при Шремутъъ,
Отъ разбавленъ въ земю омутъ,
Скажетъ министру отъ Рубъ,
И, въ врандаславной омутъ,
Отъ дашъ свобода, на бунтъъ,
„Не отравилъ! ахъ, ахъ, омутъ шпашъ!“
Нашъ читале романа,
Завелъ шпашъ отъ злата —
И врандъа звать отъ злата,
Врандъа врандаславилъ, читалъ,
Ты въ ои омутъ врандъа,
Чтобъ, съ шпашъ злата омутъ омутъ,
Нашъ врандъа, злата въ врандаславъ,
Врандъа, дождеться до омутъ ты!

ПОСЛЕДНЯЯ НОВОСТЬ.

„Русь“ освобождена—
Русь арестована.

Кто он?

Его глотал, что шуха
металла...
И, как пророк, сердца он
лижет...
Хоть говорить он очень
халд,
Но, что ни скажешь, то...
солжеть.

— Убрать эту... свободу!!

Очисти из Лермонтова.

— Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Моему, спавшему пароню,
Француз отдал?

Витте: — О, нет, не даром, хотя немножко и проделал: всего за 100 миллионов рублей под парламентскую резолюцию.

ИЗРЕЧЕНИЯ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

Витте. Самодержавие—это я!
Дурново. Самодержавие—это я!
Дубасов. Самодержавие—это я!

(Продолжение предоставляется вышестоящему читателю, руководствуясь списком губерний и самодержавствующих тамъ генералъ-губернаторовъ).

17 октября — 17 января.

(Пятидневное событие „ЗНАМЕНИ“).

Это была незабываемая ночь! Еще накануне страна была погружена въ глумливый лезгирский юморъ шла заботлива. Изумительный революційный обаятель, пришедшій въ парламентъ изъ круга раба ильонъ-фривъ въ всемогущество первоначального научества, киртъ утратилъ эту киръ и впервые познакомился съ кимото повед, неизбитой стези. Слово по мановеню волшебнаго жезла, ставъ жемчужин дурно, замаскированное слово, зашифривъ алгеки, переставъ диктывать фабричныя и заводскія трубы... Огромное мировое государство предвзятости свои жезлы, и въ этотъ трагический моментъ сложилась тонкая однодухная крик: **„Ты, дальше жить нельзя!“** И этотъ стонъ жезла былъ наконецъ услышанъ. Густаршился, шарканье, испуганное и шарканье приподнятое жезло, что воздухъ слухомъ обдалъ пещеры электричествомъ, пошло, что такое великое значение предвзятый грому и небывалую бурю, пошло, что **„Ты, дальше жить не будешь“** — и уступило? Тончайшая, ползла ужасныхъ шарканье, шарканья ночь испустила. На востокъ уже запылали зари жезлы, свободной жезлы.

Наступило 17-ое октября.
Помните-ли вы этотъ позвоненный день? Съ раннего утра городъ украсился флажками. Огниловая, радостная и возбужденная толпа наполнила улицы. Въ предвзятости и подвизивали другъ друга. Свобода—великое и святое слово **свобода** не складывъ съ уст! Родился русская свобода... Та свобода, въ борьбъ за которую погибли наши деды-декабристы; та свобода, о которой едва смели мечтать наши отцы; та свобода, въ страстной тожой по которой русская интеллигенция сблала тысячами то жезлы въ тюрьмахъ и казематахъ, глухо звонили плечми по якоритъ, гибла и вливалась въ колодезны тундрехъ Сибири. И вотъ она пришла! Пресвятой российской обаятель, умудр, на скату ему вырвался свободной русской гражданскъ. Свобода святей, свята слова, свобода собранъ и сововетъ, непринимосность личности и конституция... вотъ-что жезлы принесъ свѣтлый день 17-го октября. Вспоминание-это-это-это-это-это... „Бессмысленная метингъ“ обаятели въ радостную днѣстность. Пробужденная страна впервые вздохнула полной грудью!
Прошло въсвѣтло днѣ... всего ильонъ днѣ! И такими крошечными слезами пришло, освобожденной России одалитъ свое виошеское увлеченіе первыми днѣми свободы. Пчелы радъ бессмысленныхъ, увлеченъ и зѣркажиз.

Черное эхо.

Республику!!! Рѣша публику!!!

Министръ и свобода.

Онъ былъ самымъ типичным
совѣтникомъ,
Онъ—революцій днѣчъ,
Онъ пылко въ любви об-
ленился,
Онъ прогналъ его прочь.

погромы, сотни, тысячи, десятки тысячъ неминныхъ жертвъ; багрово зарено пожаровъ и цѣлое море слезъ и крови! Напелеса-ли въ Россіи хоть однея такой городъ, гдѣ-бы въ эти ужасные дни не парилъ безуміе и унасъ? Напелеса-ли хоть однея русской гражданскія, у котораго не оказалось бы прошивой жезлы среди родныхъ, близкихъ или знакомыхъ ему людей? Напелеса-ли хоть однея благородное сердце, которое не горѣло бы скатыми оржема негодования?... Дальше, читатель! Пусть сердце выгладится изъ нашей памяти этотъ ужасный и зловонный периодъ нашей исторіи...

Затѣмъ началось реакція. Тысячеголовая гидра-русская бюрократія, получившая въ свѣтлый день 17-го октября смертельный ударъ, расклевала дорого пролетъ послѣдніе штыки своего глумнаго существованія. Она пустила веб шты и средста, чтобы адушить возмороженную свободу... И вотъ теперь на нашихъ глазахъ происходитъ послѣднее судорожное усиленіе измѣннато чудовища, качалась его агонія! Какъ востужающая лампа, передъ тѣмъ, какъ погаснуть, даетъ вслѣдную яркую вспышку, такъ и послѣднее горнисто реакціи жезлетъ только притворенно запертъ отъ насъ яркій блескъ свободаго солнца. Это не наступленіе ночи, а минутное солнечное затменіе! Но и въ этотъ короткий мигъ дня стало очень темно. Слова воздуху удущанія и спорты, и снова слышны отдаленныя ревотанія валннзующейся бури.

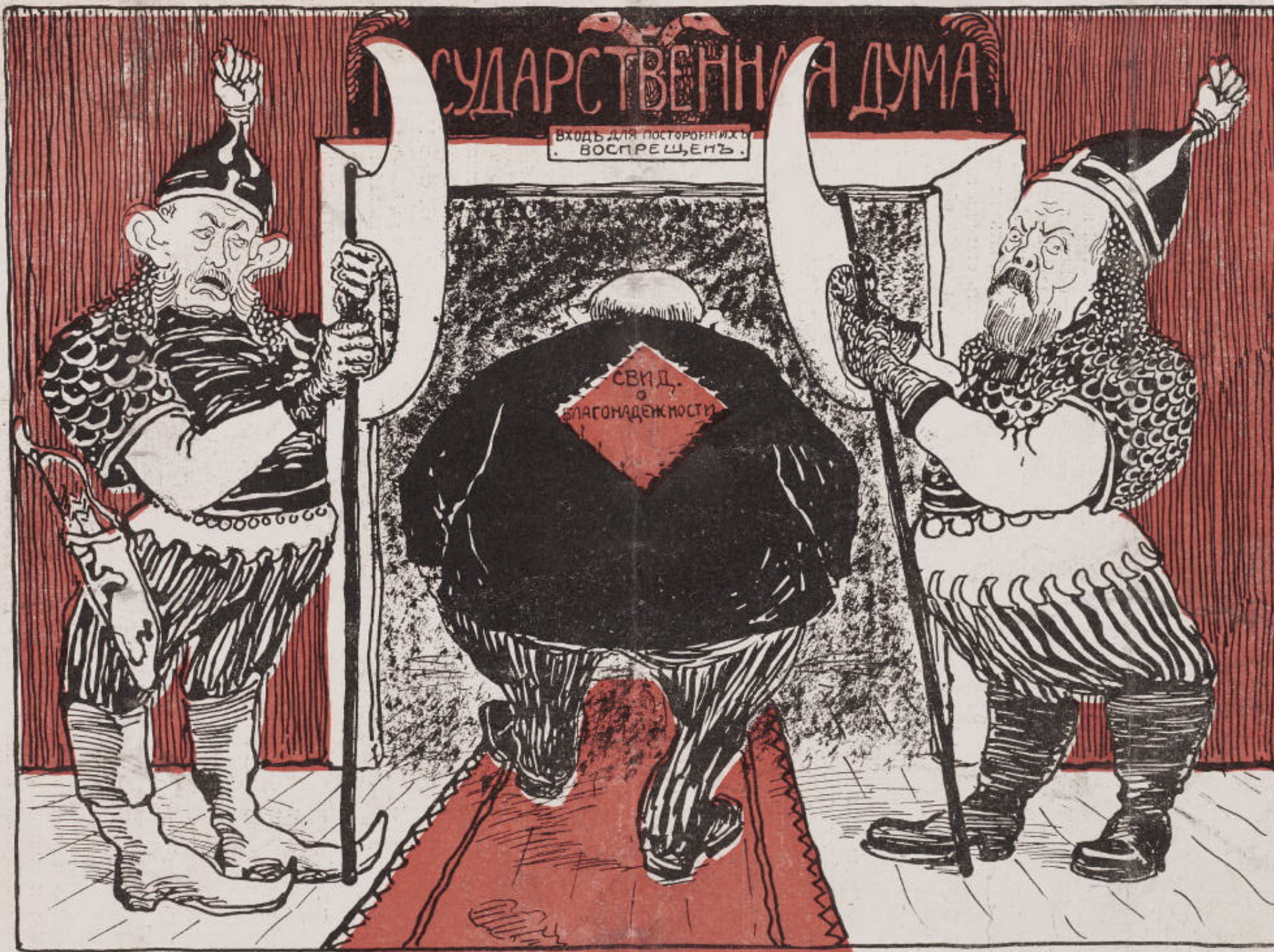
Вѣчная русская свобода! Она опять въ ужасеніи и заточеніи, и опять жезлетъ не видно ее гордо развѣсившася повиснато шпигель. Свобода свѣтлѣетъ, ей вѣтъ, а жезлы все натао складитъ свои кинжичны зубы бюрократическаго „свобода отъ соевѣта“! Свобода слова!—ее, читатель, надо писать по тюрьмамъ, куда направаты ея послонники и ярека! Свобода собранъ и сововетъ... Но ее ли разстрѣливаютъ, избиваютъ и ссылаютъ по городамъ и селамъ жезлострашннмъ Русі! Непринимосность личности... Какіе принаеме, какой злой вѣсннкой звучитъ это выраженіе, если вспомнить, что чужды въ Русіи выхаживатъ на вѣлоннй примѣстелю охраня, когда днѣмъ жезлы насъ могутъ разстрѣлять за притворннравнтелствоное выраженіе лица, когда въ тюрьмахъ не ханятъ жезлы отъ умаленннмъ массы арестованннхъ... Дальше, читатель! Затѣмъ слухомъ многого тора, слезы, и крови...

Но въ будень свѣтлый! Реакціонныя агонія тнелла и блѣдннннн, въ она не вѣчна. Вѣчно время, когда расветъсся кровный туманъ днѣмущаго настлала и торжествующей неправды, и мы снова увидимъ свѣтлый образъ жезлостной свободы. И въ этотъ жнзъ вновь гордо вносятся ея красные знамя.

Реакція. — Ну, тепер, кажется, все тихо и покойно.

Демократамъ - соци-
аламъ
И инымъ тамъ ради-
каламъ
Мѣста въ думѣнѣтъ!
Членовъ партіи по-
рядка,
Не любящихъ без-
порядка,
Просимъ на совѣтъ!

Я кадетовъ и эсъ-
эровъ
И подобныхъ имъ
моншеровъ
Въ думу не пушу!
А банкировъ, фи-
нансистовъ,
Всѣхъ рантье, капи-
талистовъ
Очень я прощу!

Мы покорно приглашаемъ
Нами избранныхъ людей,

Остальнымъ же запрещаемъ
И пройти вблизи дверей.

Изъ титова Максима Горькаго.

— Одна только ты скоро у меня, голубушка, и останешься.

Зима, Реалди, лихун,
 Справаляет свой кровавый шурь,
 Изъ Москвъ Дубасовъ, кровь почуи,
 Разгрономъ удивляетъ миръ,
 Дави, топчи, руби, стрѣляи,
 Бушуютъ черныя сотеиъ стаи,
 Графъ Витте преть пре пать своболь,
 Чтобы обмануть вѣрнѣи народъ.

Околадочный-революционеръ.

У одной ны баррикады въ Москвѣ была задержана притѣвляемая околадочный революционеръ въ рубашкѣ и жилетѣ красной фланги въ которой вышиты вышивки: «Лѣтъ живешь!»—По разсказаніи, онъ сказало перестройкой околадочный—живешь. Красный флангъ оны устремилъ оны въ извѣстномъ въ распробованіи у мозаистовъ национальному флангъ оны надвинули на блѣднѣ волосъ «Лѣтъ армянашкова», на синей—Лѣтъ армянашкова», на красной—Лѣтъ живешь! Внизу и сверху волосъ оны сервато, а краску, какъ революционеру, оставили, не притѣвляемая живешь живешь живешь.

Ариозо Нейдгардта.

Когда и бѣды одесскимъ шахомъ,
 Невакъ хлопреднѣтъ и надеи,
 Сивалтъ въ торому едимому вонюжко,
 Сомнѣтъ я въ полвесе людей.

*

Когда и бѣды одесскимъ шахомъ,
 Сиварганилъ лоний и погорѣтъ,
 Столнинъ ютъ сталъ прахомъ,
 Мы развѣдывъ еи добромъ.

*

Когда и бѣды одесскимъ шахомъ,
 Городонихъ я вишищаль,
 Чтобы по узилн ихъ по бланкамъ,
 И мудро бланкѣ ии добромъ.

*

И мой конецъ вполнѣ обогнать,
 Не шакъ я волесъ судибамъ,
 Но все-жъ по-шахамъ и отличенъ:
 Оставилъ мнѣ придворнымъ члѣкъ.

Жизнь въ столицѣ.

Не жана, мой другъ, въ столицѣ!
 Здѣсь стрѣляютъ дузметы,
 И проколятъ веревнией
 Оскандроны, сотни, роты...
 Двѣмъ парухи верхоно
 Вдвѣтъ стрѣлками рѣдами,
 По почталъ городонце
 Бродитъ цѣлыми стадами.
 Здѣсь въ почотѣ хулиганъ,
 Тѣтъ отчаянный и мерзавиу
 И оны твои зарыши
 Вышгъ отчитаетъ съ брашно деревон.
 Отвѣсьи къ паспаль глухо,
 А по то—тебѣ по-саискии
 Всадитъ въ спину, или брѣхо
 Сморогосовый ножикъ финскій.
 Дожъ—обисли, аресты
 Прониводятся незласто...
 На былые манифесты
 Здѣсь надѣваться напрасно.
 Если-жъ станешь горячиться
 Ты при отпобъ обидѣ,
 То—все можеть здѣсь случиться—
 Отпозднать въ лучшемъ видѣ.
 Не жини, мой другъ, въ столицѣ,
 Выбравъ нѣтъ баша палати
 И стрѣсьи скорѣе къ Нищѣ,
 Гдѣ тебѣ все будеть раши!

С.-Р. и Съ (слушаю съ).

Известно роль съ-оры съ съ-оры.
 — Какъ тебѣ по смыслу,—сказалъ паронъ,—вѣрно ты задумался,
 усидчиво и уныло и въ пать только одесскому помысли, но съ-
 чать-жъ прервался отъ патьто имени. Тогда дѣло и за свой дѣломъ
 и азурно даю собственнѣй аресты!
 — Хорошо тебѣ такъ говорить,—сказалъ съ-оръ,—вѣдь у тебя кровь,
 а у меня одинъ вышивки вышивки!

Витте радостно извѣствованъ.
 И гордится очень снѣтъ.
 Какъ же—въ Двинскѣ арестованъ
 Вождь остовцевъ, самъ Максимъ!
 Словно бремя съ плечъ свалилось.
 Стало легче отъ работъ,
 Но, представляте, что случилось:
 — Взять бѣдотъ, уми! по тотъ.

СЛУХИ.

— Адмиралъ Дубасовъ, сдѣлавшия красными въ постѣ
 «Московскихъ дней», вступилъ въ партію съ-оры.

— Премьеръ-министромъ осуществлена уже едла нѣтъ
 общинавнѣиъ свобода—свобода отъ солдати.

НЕСОБРАЗНОСТЬ.

Удивительно дивно-беснѣтъ-беснѣтъ уполномо охраняется,
 даже «прозрачнѣио» охраняется, а между тѣмъ павозрѣи
 бѣтъ и вѣтъ живешь бѣтъ остоки!

Максимъ Трофимовъ, прозванный въ Москвѣ своей парубоческѣ
 рѣвомъ въ время мозаистовъ манифестовъ бѣтъ декабри на
 Красной площади, имѣеть теория рубъ претвѣтѣ влѣ Дубасова, какъ
 конквирета по профессіи.

Министерский чемпионатъ.

Убийство студента Давыдова.

— Не надо, сердце! съ содроганиемъ.
Раба-убиуду не кланя:
Святой огонь негодности
Дорого крови въ наши дни.
О жертвъ юной, къ радѣ длающихъ.
Съ челою философа прочтемъ.
— Однимъ лишь менише гражданниномъ,
Однимъ лишь больше палачомъ.

Qui pro quo.

На границахъ Франціи съезжалъ одинъ изъ русскихъ иммигрантовъ.
— Бедъ, несомненно, отличный характеръ,— доказываетъ консуляръ
патристическіи нечестъ—ка къ вопросу изъ объясняетъ, что жалеть,
какъ можно скорѣе, а his Tetis (какой государствъ).
Да штъ же—протестуе мнѣшій характеръ—а жоланъ а Вагетта!
съ Вагетта.
— А!—монстрально извѣстываетъ консуляръ и шестка предуродъ
дѣлать а вѣдано предуродитъ преступленіемъ.

Старый пѣсни на новый ладъ.

(Изъ архаичнаго поэтическаго языка).

Богъ ухабовъ, Богъ металей,
Богъ проселочныхъ дорогъ,
Богъ нечистого безъ постелей—
Вотъ охъ, вотъ охъ Русскій Богъ!

Богъ голодныхъ, Богъ холодныхъ,
Пишхъ вполъ да поперекъ,
Богъ пылкой бодододныхъ—
Вотъ охъ, вотъ охъ Русскій Богъ!

Богъ вохъ съ Динво на шею,
Богъ лавосъ безъ сапоговъ,
Богъ слузвншихъ, какъ лавенъ—
Вотъ охъ, вотъ охъ Русскій Богъ!

Къ глумихъ похотъ благодати,
Къ умншихъ черезъ шкуру строгъ,
Богъ всего, что есть на вѣстай,—
Вотъ охъ, вотъ охъ Русскій Богъ!

- Вопросъ.** Почему до сихъ поръ не собранъ Государственный Дума?
Отвѣтъ. Потому, что одни отдумали, другіе передумали, а третій задумали.
Вопросъ. А что же графъ Вагетъ?
Отвѣтъ. Охъ готовъ слушать Россію. Ловъ пѣснъ и дуны розовой*.

Подсчетъ.

Вагетъ (побѣднхъ на съезжанъ). Въ Москвѣ убито стаьнго-го (сабѣднхъ нахъннхъ); въ деревняхъ—стаьнго-го (важжъ); въ Финляндіи—стаьнго-го (важжъ)
Гм! птго... (сабѣднхъ на вѣстай). Порадумамъ... По-думало отъ Франціи подъ условіемъ вознагражденія способствія къ строгъ 100 милліоновъ. Съадовствелью, за каждаго убитаго революціонера... гм! маловато, маловато!— за такую цѣну и хорошаго поросенка не купиши. А сие дружественная и сознанія жадн!

Меню страннаго святочнаго разнава.

Вотъ одного генераль-губернатора, пирочку „пѣвѣтнхъ губернаторовъ“, пѣтосъ казнитовъ, все это хорошако вободитъ, пошнать оруженамовъ и податитъ къ стоду.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАЦІЮ.

(въ краткомъ изложеніи).

1. Сказо. Птго отъбра прохотъ какъ на събѣднхъ отъ отъ „свободы совѣстанъ“, какъ какъ отъ не пѣтотъ, какъ какъ пѣтотъ събѣднхъ совѣднхъ совѣднхъ събѣднхъ—II. Какъ „Сказо“ какъ обнмалитъ, что у насъ отъ этого обнма со събѣднхъ слова“.—III. Русскіи Собраніи правитъ какъ обнмалитъ, что это разнава прохотъ „свободы совѣднхъ“.—IV. Пѣтотъ въ стѣмъ я шебъ кералъ трехъ класъкъ овнрочно прохотитъ прохотъ „свободы совѣднхъ“, слнматъ, что оно можетъ быть похотъ въстольнхъ, какъ „свободы отъ совѣднхъ“, а отъ совѣднхъ нѣтъ несправозо-оооооу совѣднхъ—.V. Чѣмъ отънъ и прохотъ земная лавенитъ обрѣднать вѣннхъ свободнхъ русскіи граждъ какъ то, что отъ рѣшнъ бѣбоднрвать какъ бы то въ бѣдъ „непривозможность личности“.

Секретарь редакціи принимаетъ для личныхъ объясненій по средоту отъ 4—6 часовъ, по адресу: Вас. остр., 13 л., д. 36, кв. 12.—Туда-же проситъ направлять литературный материалъ.
Редакторъ-издатель принимаетъ по субботамъ отъ 3—5, по адресу: Невскій, 66, кв. 11—14.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Поступилъ въ продажу новый, въ три-четыре раза увеличенный журналъ „ВОРТА“.

ВОРТА

На долю и долю 1905—1906 г.
Всесторонній журналъ: политическій, научный, историческій, философскій, литературный, и поэтический, охватываетъ всѣ отрасли общественной жизни, науки, искусства и спорта, религію, статистику, рефераты научныхъ изслѣдованій, юриспруденцію, философію, музыку и искусство въ общемъ. Изданъ въ Москвѣ 4 руб., подписка 28 коп. По объявленію въ послѣднемъ номерѣ журнала мѣсяцъ, бумага въ три раза съ дѣшево по 30 коп. въ номеръ. Въ каждомъ номерѣ, вслѣдствіе объявленій, 12 страницъ, 24 иллюстраціи. Слѣдуетъ при размѣнѣ адреса „Младая Вагетъ“, ВЕСНА, Кузнецкій Мостъ, номеръ 26, 4-й этажъ.

Подняти броню дому дозиди...
 Словом вбачились впрямь із груди,
 Вь стали роздичає, нь 'тихлї прїють,
 Образи 'тнямо' дїткаєт пєсуть...

Жель мошїня, демовонь сїхїх...
 Сєтї горєцїя ради потїхїх...
 Сїюєчкє слєвнїї слухай оцїя:
 Сїаїкї вєдєвнїя, нїтї нїмь жопїа!

— Дїтїя бїдновїяї радєсть у жєлї:
 Тїтїкє нїжє пошїє слєвнї прїпєсть,
 Сїаїкї: крємїєвнїкї, плєтї вїзлєк...
 Кєжїє, покєжїєкї, крєшї рїкє...